

«Теперь уже не знаешь, с которой стороны и подойти, чтоб поколебать мнение, получившее прочность стали, от беспрестанных ударов молота, которым люди валяют брошенную им идею: кто-то сказал первый — и за ним все повторяют».

Барон Брамбеус. (Осип Иванович Сенковский)

«Эбсамбул. (Абу-Симбел) Нубийские сцены», 1835 год.

Введение

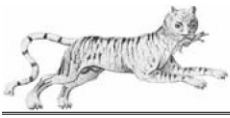
Когда я пишу сказки или стихи о Бабре, то опираюсь на свои детские впечатления, а в детстве отец всегда брал меня на праздничные демонстрации в город. В то время на горе у привокзальной площади станции Иркутск Пассажирский возвышались огромные числа: 1661–1961. Их было видно даже со старого ангарского моста. За ними периодически ухаживали, подкрашивали весной или очищали от снега зимой. Последнюю цифру каждый год корректировали на единичку. Между числами красовался таких же внушительных размеров Иркутский герб с величественным Бабром.

Фотографии горы с геральдической конструкцией заимствованы из Интернета соответственно с адресов:
<https://pastvu.com/p/425718>
<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1141070082680921&set=p.1141070082680921&type=3&theater>

Будучи очень любопытным, я спрашивал у взрослых, кто это. Ответ был прост: «Бабр — очень свирепый, могучий хищник, живший когда-то в наших краях, но вымерший, а может быть, даже истребленный». Мне этого было достаточно, чтобы умножилась моя гордость за свою малую родину, на просторах которой жили таинственные существа.

Уже старшекласником, часто посещая краеведческий музей, я с удовольствием слушал рассказ гида об уникальном, загадочном животном — бобре, изредка забегавшем в наши края с южных просторов Азии. О лютом звере, который, как и пещерный лев, жил на просторах Сибири в далекие времена.

Картинка на горе и эмоции от услышанного будоражили воображение и навсегда отпечатались в памяти. Само слово «бобр» до сих пор отзывается во мне яркими эмоциями, задевая потаенные душевные струнки.

После института я более чем на тридцать лет уехал из родного города, а когда недавно вернулся, то неожиданно для себя обнаружил совсем другую, довольно туманную историю о Бобре и объективно никак не обоснованные, но эмоциональные споры о нем в периодических изданиях, интернет-сообществах¹.

Заинтересованному читателю сегодня в лучшем случае предлагается сухое и скучное, документально никем не доказанное утверждение, повторяющееся из года в год, из статьи в статью, что **Иркутский бобр — это геральдический зверь, получившийся в результате ошибки чиновников и художников. Зверь, который является ничем иным, как историческим казусом, «химерой», случайно рожденной халатным или невежественным отношением к работе геральдистов и, в первую очередь, Бернгарда Кёне.**

Эту версию можно прочитать в местных детских книгах² и журналах³, в словарях и электронных энциклопедиях⁴, вот уже полвека она с завидной периодичностью появляется в публикациях СМИ⁵.

Вся информация представляется по одной стандартной схеме при полном отсутствии какого-либо дискуссионного момента:

— **сначала говорится о гербе и печати 1690 года с упоминанием печатей еще начала XVII века Ленской таможни или даже Якутского острога, которые якобы были переданы Иркутску, когда он стал более влиятельным городом, чем Якутск, при этом обязательно упоминается число «18 февраля», ставшее уже сакральным;**

— на следующем этапе рассказывается об Екатерининском гербе с тигром 1790 года, то есть строится историческая последовательность, когда барс на гербе одного города преобразовался в бобра другого города, а последний — в бобра-тигра;

— в заключение доверчивым читателям выносится эпизод про исторический казус с переделыванием бобра-тигра в бобра в 1878 году, с обязательными обвинениями во всем начальника гербового отделения барона Бернгарда Кёне, с приклеиванием ему различных нелюбезных ярлыков, а для подтверждения своих выкладок ссылаются на авторитет отечественных филологов Владимира Даля⁶, не обращая внимания при этом, что он никогда не занимался геральдикой и не может быть авторитетным специалистом в данной области.

Имеет ли хотя бы один плюс такое одностороннее уничижительное объяснение истории появления герба Иркутска для воспитания у подрастающего поколения патриотизма, любви к родному городу?

Конечно же нет! Даже наоборот, оно открывает простор для грубых и обидных, совершенно необоснованных обывательских насмешек, прибивает статус герба города, дает дополнительную пищу вечным пессимистам и нытикам или болезненно агрессивным кровным братьям мифологических скандинавских троллей. А ведь у Иркутского герба такая интересная и познавательная история! И она никак не ограничивается только бобром-бобром 1878 года и однообразными, как под копирку, статьями о несмышленном чиновнике бароне Кёне.

После изучения значительного количества исторического материала, первоисточников, различных мнений могу заявить о несостоятельности укоренившейся версии. И хочу доказать, что утверждение многих историков и вторящих им журналистов о случайном появлении изображения мифического бобра-бобра на гербе Иркутской губернии в 1878 году благодаря лишь ошибке Бернгарда Кёне является неверным.

Еще в 1916 году известный библиограф, историк русской литературы и культуры, сотрудник Государственного исторического музея

Иван Мемнович Тарабрин в комментариях к переизданию «Лицевого» Букваря Кариона Истомина, анализируя разные толкования об Иркутском бабре, выдвинул предположение: **«Вряд ли, однако, замена бабра бобром была типографской только ошибкой»**⁷.

Московский профессор истории, член Всероссийского геральдического общества Геннадий Иванович Королев в журнале «Гербовед» в 2005 году писал: **«В июле 1878 г. был утвержден герб Иркутской губернии... Едва ли составители этого герба допустили ошибку, приняв бабра 1790 г. за бобра, как полагают некоторые авторы. Думаю, что выбор основной фигуры был осознанным»**⁸.

На самом деле, в этой путанице слов могла бы быть определенная доля правды, если бы разработанный Б. Кёне бобр являлся бобром в чистом виде. Но создание изображения, представляющего слияние двух совершенно непохожих животных — грызуна и хищника, назвать случайной ошибкой никак нельзя.

Также вопрос о поверхностности бытующего утверждения высказал в 2012 году молодой петрозаводский историк-геральдист Илья Емелин. В статье об Иркутском гербе он пишет: **«...проблема с бобром гораздо глубже, чем кажется, не Кёне ее создал, она существовала до немца и после него, а потому требует более углубленного исследования»**⁹.

Давайте займемся этим и по возможности дадим ответ на несколько очевидных вопросов.

